

Миграция молодежи в России^[1]

Над темой номера работали

Илья
КАШНИЦКИЙ^[2]

Никита
МКРТЧЯН^[3]

Олег
ЛЕШУКОВ^[4]

Демографическая статистика в помощь изучению миграции молодежи

Молодежная миграция представляет собой отдельное самостоятельное направление исследований, прежде всего по причине ее связи с получением образования. Фокус внимания постепенно смещается к наиболее молодым возрастам — к периоду, когда принимается первичное решение о миграции с целью получения образования^[5]. Такое решение оказывает колоссальное влияние как на последующую жизнь молодого человека, так и в целом на пространственное распределение человеческого капитала. Конкуренция за лучшую молодежь становится существенным фактором развития регионов^[6].

В западной научной литературе среди молодежи принято выделять категорию *college bound*^[7], имеющую четкий возрастной профиль миграции с максимумом в поздних тинейджерских возрастах, когда большинство молодых людей переезжают с целью получения образования^[8]. Эмпирически установлено, что интенсивность миграции в данной возрастной группе^[9], в отличие от всех прочих возрастов, не снижалась даже под воздействием недавнего экономического кризиса^[10]. Во многом данная особенность связана с повсеместным распространением высшего образования^[11].

Для изучения миграции отдельных возрастных групп во многих западных странах имеется обширная статистика, получаемая как из данных национальных переписей, так и из административных регистров. Эти сведения позволяют детально проследить как направления миграции, так и структурные характеристики участвующих в ней групп населения.

В России изучение миграции молодежи, в частности учебной миграции, базировалось преимущественно на данных выборочных опросов выпускников школ^[12], либо опросов студентов относительно их уже совершенных миграций и намерений переехать^[13], изучается также постобразовательная миграция^[14]. Несколько особняком стоят работы Н.Ю. Замятиной, в которых миграция молодежи рассматривается в более широком, чем учебный, контексте: в них основное внимание уделено восприятию миграции, выбору направлений, отношению молодых людей к своей «малой родине» и новому месту проживания как сложной системе установок^[15]. Однако, несмотря на определенную проработанность данной проблематики, в изучении миграции молодежи в России имеются серьезные информационные ограничения. Существующую демографическую статистику, в силу особенностей сбора данных, а также условно-временного характера студенческой миграции (учебные мигранты по месту прохождения обучения имеют временную регистрацию, в России до последнего времени она не попадала в статистическую разработку) использовать можно лишь с определенными оговорками. В этой статье мы анализируем миграцию молодежи студенческих возрастов путем сопоставления трех источников информации:

1. текущий учет миграции населения. Данные Федеральной службы государственной статистики, основанные на фиксации актов регистрации населения по месту жительства (с 2011 г. – и по месту пребывания на срок 9 месяцев и более);
2. Всероссийские переписи населения 2002 и 2010 г. Они позволяют сравнивать численность когорт населения на две даты;
3. данные Федеральной службы государственной статистики о соотношении численности поступивших в вузы на очную форму обучения по программам бакалавриата и специалитета и численности выпускников школ, получивших аттестат о среднем общем образовании, в региональном разрезе в 2012/2013 и 2013/2014 учебных годах.

Совместное использование нескольких источников данных позволяет в определенной мере компенсировать недостатки каждого из них. Наш анализ не претендует на корректную оценку интенсивности межрегионального перераспределения молодежи, но достаточно точно выявляет межрегиональную дифференциацию прироста/убыли когорт молодежи в результате миграции. Путем сопоставления данных из доступных источников информации произведено ранжирование регионов по данному признаку. Принципиальное сходство распределений регионов по рассчитанным показателям, основанных на разных данных, подтверждает, на наш взгляд, достоверность комплексного ранжирования.

Цели нашей работы – продемонстрировать возможности и ограничения демографической статистики в изучении миграции молодежи в России; оценить направления молодежной миграции, связанной с получением высшего образования, за последние несколько лет; сопоставить результаты, полученные на основе разных источников данных. При этом мы не анализируем факторы миграции молодежи и не можем отследить все возможные траектории социальной и пространственной мобильности лиц данных возрастов – российская статистика не дает для этого достаточных данных. В данном исследовании мы исходим из представления о доминирующем значении образования в межрегиональной мобильности молодежи [16], лишь косвенно и в меру доступности статистики рассматривая другие факторы.

Текущий учет: несмотря на разницу в методике, география почти не меняется

В период существования СССР, когда правила регистрации по месту жительства и пребывания были очень жесткими, текущий статистический учет традиционно был основным источником миграционных данных. После распада Советского Союза и либерализации правил регистрации он утратил былую точность [17].

Одной из ключевых проблем текущего учета миграции стала его систематическая неспособность отслеживать молодежную, преимущественно студенческую, миграцию [18]. Значительную часть студентов регистрировали не *по месту жительства*, а *по месту пребывания* каждый учебный год (регистрация оформлялась на срок менее года). До недавнего времени эта миграция не попадала в статистику. Только с 2011 года начали учитывать тех, кто получал регистрацию по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, – и сразу текущая статистика отметила значительный «рост» миграционной активности населения во внутренних перемещениях (рис. 1). Однако это, безусловно ценное, улучшение в российской статистике не затрагивает значительную часть рассматриваемого нами периода — с 2003 по 2010 год [19].

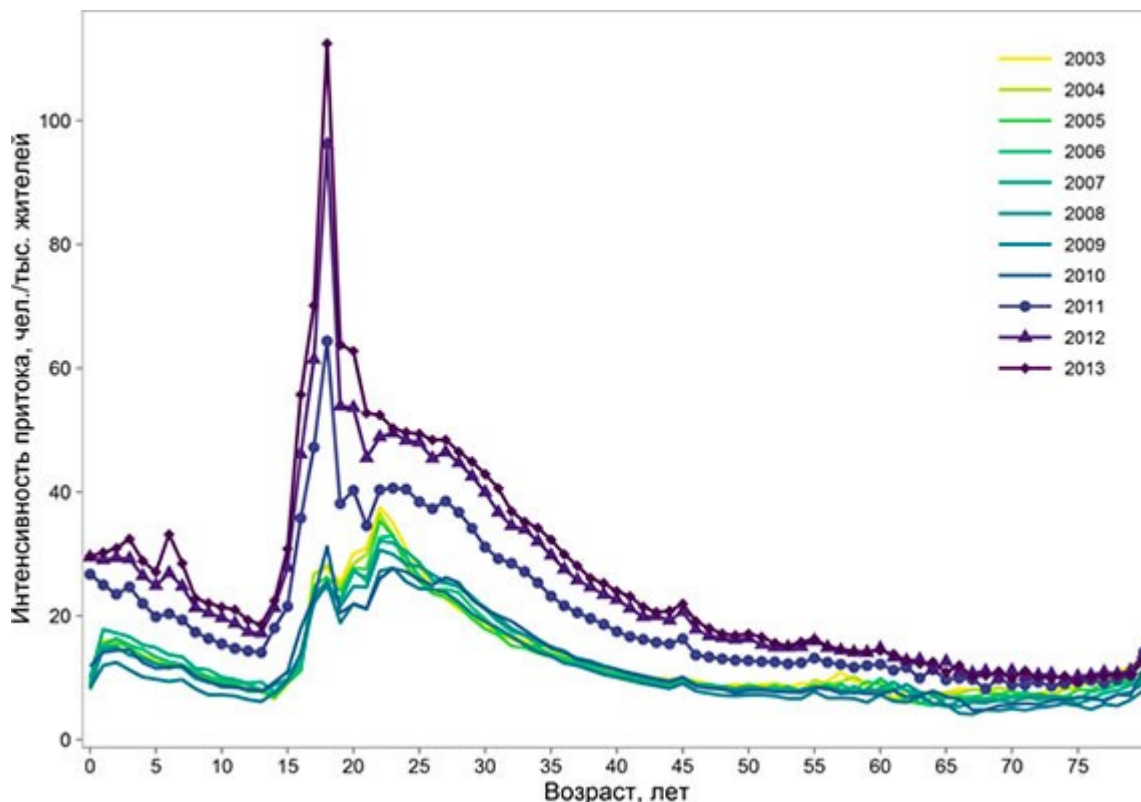

Рисунок 1. Число прибывших на 1000 человек соответствующего возраста, миграция в пределах России, 2003–2013 годы

Источник: расчеты на основе данных Росстата.

Как текущий учет, несмотря на все отмеченные ограничения данного источника информации, отражает картину межрегиональной миграции населения в студенческих возрастах? Учитывая проблемы с качеством данных, мы попытаемся сравнить регионы России между собой, не ставя задачи получить точные оценки интенсивности молодежной миграции для каждого региона.

Миграционная составляющая изменения численности отдельных возрастных групп или всего населения в регионе распадается надвое: 1) вызванная межрегиональной и 2) международной миграцией. Последняя нас в рамках поставленной задачи интересует в меньшей степени. Разумеется, существует и внутрискановое перераспределение континентов международных мигрантов. Но задокументированная часть этих потоков учитывается межрегиональной миграционной статистикой, а о незадокументированной мы можем лишь догадываться. Подавляющее большинство международных мигрантов прибывают в Россию не для получения образования, а с целью трудоустройства, масштабы и направления этих потоков международных мигрантов — отдельная тема исследования.

Даже несмотря на отмеченный выше существенный недоучет молодежной миграции, наибольшая интенсивность перемещений, по данным текущего учета, наблюдается в молодых возрастах (рис. 1), и этот пик устойчив во времени.

В 2011–2013 годах максимальная интенсивность миграции еще более явно сместилась к возрастам, в которых основная часть российской молодежи оканчивает школу и поступает в вузы, — к группе

17–18-летних. Даже на суммарных данных по России подтверждается гипотеза о недоучете студенческой миграции до реформы 2011 года.

В 2003-2010 годы безоговорочным лидером по привлечению внутренних мигрантов оказалась Москва с Московской областью, Санкт-Петербург с Ленинградской областью [20], Краснодарский край. Из 78 анализируемых регионов России привлекательными для внутренних мигрантов по итогам всего межпереписного периода оказались лишь 18. Во всех остальных регионах в этот период за счет межрегиональной миграции численность населения сокращалась, наиболее интенсивно – в северных и восточных регионах страны. Для молодежи студенческих возрастов миграционно привлекательными оказались тоже 18 регионов. В большинстве своем это те же преуспевающие на внутреннем «миграционном рынке» регионы. Но есть и примечательные исключения от этого правила. Например, среди лидеров по привлечению молодежи оказалась Томская область с ее знаменитыми университетами. Прирост молодежи в возрасте от 17 до 21 года (всего 5 однолетних возрастных групп!) оказался почти в 4 раза больше, чем прирост всего населения.

Для сравнения интенсивности молодежной миграции можно рассчитать относительные коэффициенты миграционного баланса населения в возрасте 17–21 года — в наиболее интересующих нас студенческих возрастах. Однако сложность в том, что люди, совершавшие межрегиональные миграции в возрасте 17–21 года на протяжении периода 2003-2010 годов, могут относиться к 13 разным (от 1981 до 1993 года) когортам рождения (рис.3). Численность молодежи в возрасте 17–21 года сильно колебалась в изучаемый нами период из-за структурных факторов – из-за волнообразных изменений рождаемости в 1980–1990-х годах. Поэтому было бы некорректно взвешивать суммарное сальдо миграции в возрасте 17–21 год за восемь календарных лет на численность возрастной группы 17–21 год в 2002 году (т.е. когорт 1981–1986 годов рождения) или на среднее численностей возрастной группы 17–21 год на моменты двух последних переписей, т.е. среднее численностей когорты 1981–1985 годов рождения в 2002 году и когорты 1988–1993 годов рождения в 2010 году. Таким образом, мы неизбежно приходим к необходимости применения когортно-компонентного метода исследования.

Рисунок 2. Диаграмма Лексиса – иллюстрация когорт, живших в 2003-2010 гг. в возрасте 17–21 года

Для сравнения регионов между собой необходимо выяснить, как межрегиональная миграция молодежи в возрасте 17–21 год на протяжении 2003–2010 годов изменяла численность молодежи в каждом регионе. Иными словами, нужен относительный показатель, корректно отражающий интенсивность миграционного притока молодежи в регионы, репрезентативный для всех когорт, живших в интересующем нас *временном квадрате* [21]. Когортно-компонентный подход позволяет рассчитать такой показатель - **интервальный коэффициент миграционного прироста когорты (ИКМПК)**. Данный коэффициент отражает среднее изменение численности *интегральной когорты*, прошедшей через временной квадрат полностью. Согласно принятой нами методике расчета ИКМПК, значение миграционного прироста для интегральной когорты получается усреднением частных коэффициентов для реальных когорт по возрастам [22].

Результаты когортно-компонентного анализа миграционного прироста населения в возрасте 17–21 год за периоды 2003–2010 (рис. 3) и 2011–2013 годы (рис. 4) выявляют резкий рост интенсивности внутренней миграции молодежи (или по крайней мере резкое увеличение числа учтенных перемещений лиц соответствующих возрастов) во второй рассматриваемый период, после изменения методики учета миграции. Если в межпереписной период значения прироста молодежных когорт по регионам варьировались от –15,5% до +7,8%, то в последующие три года (после вступления в силу новых правил регистрации) значения показателя изменялись в пределах от –30,2% до +23,3%. Разница в продолжительности двух сравниваемых периодов значения не имеет, поскольку показатель ИКМПК усреднен по когортам.

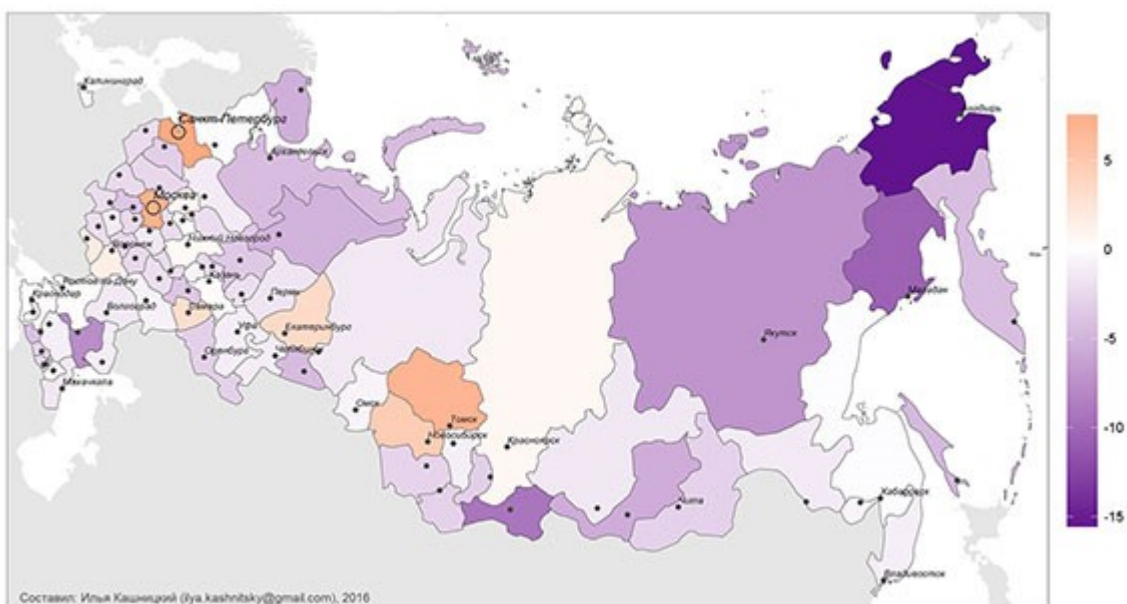

Рисунок 3. Изменение численности населения в возрасте 17-21 год, 2003-2010 годы, %

Источник: Расчеты на основе данных Росстата, текущий учет.

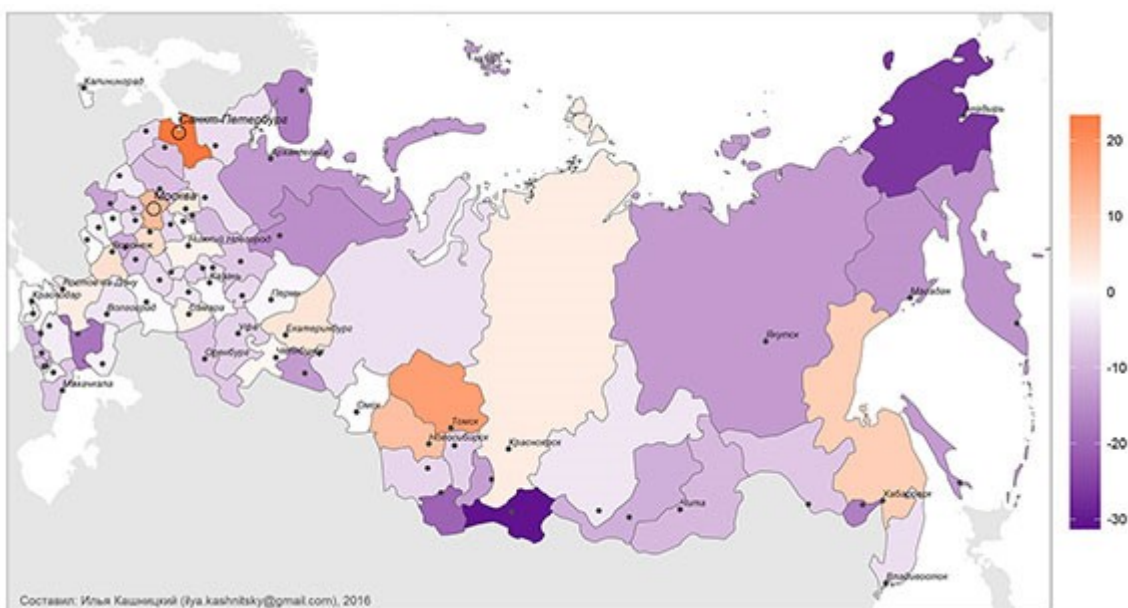
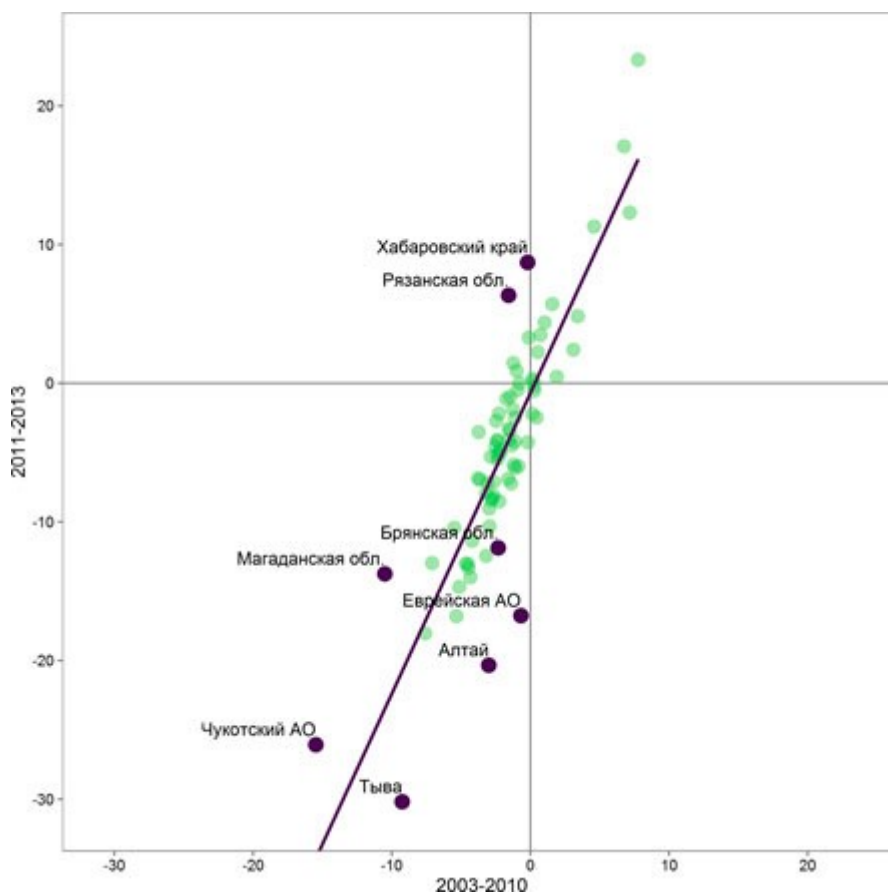

Рисунок 4. Изменение численности населения в возрасте 17-21 год, 2011-2013 годы, %

Источник: Расчеты на основе данных Росстата, текущий учет.

В целом региональное распределение значений показателя выглядит довольно устойчивым. Большинство регионов сохранили свое положение в рейтинге интенсивности миграционного прироста молодежи в возрасте 17–21 год практически неизменным. Коэффициент корреляции

Пирсона между значениями по регионам за два изучаемых календарных периода составил 0,87. Однако в отдельных регионах интенсивность миграционного прироста молодежных когорт изменилась сравнительно сильно (рис. 5).

Рисунок 5. Регионы с наиболее сильно изменившейся интенсивностью притока молодежи в возрасте 17–21 год

Источник: Расчеты на основе данных Росстата, текущий учет.

Примечание: отмечены 10% регионов с наибольшей остаточной ошибкой линейной регрессии.

Увеличение интенсивности притока молодежи в Москву в последние годы, в отличие от других лидирующих регионов, было довольно скромным. В наиболее депрессивных регионах — Чукотском АО и Магаданской области, — напротив, отток молодежи хоть и усилился, но относительно изменений интенсивности миграции в прочих регионах страны его динамика была достаточно сдержанной.

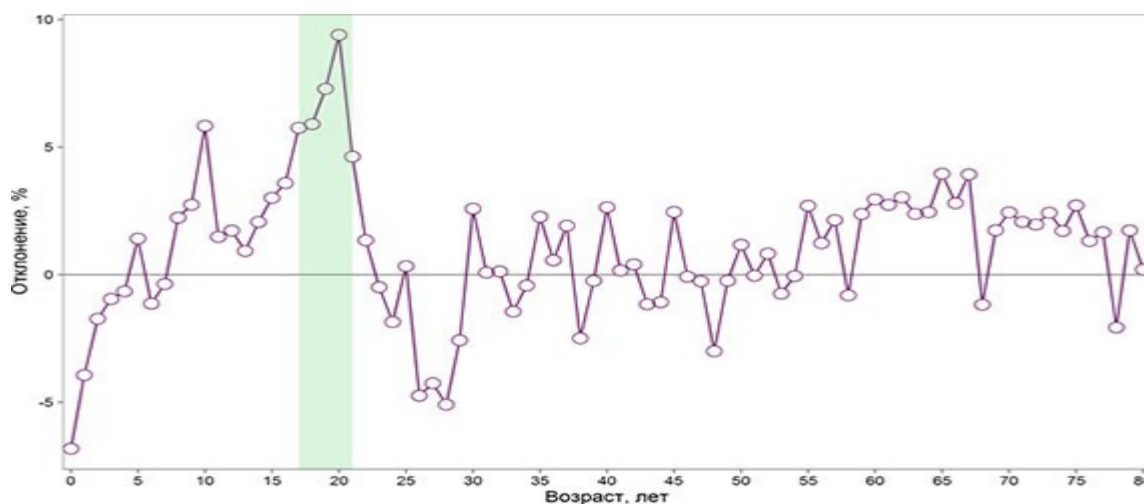
В целом же интенсивность межрегиональной молодежной миграции в 2011–2013 годах выросла примерно в два раза по сравнению с 2003–2010 годами. Однако рост этот в значительной мере обусловлен изменениями в системе учета мигрантов по месту жительства или пребывания: то, что до этого было латентным для статистики, стало доступным для анализа.

Что показывают данные переписи населения

Перепись населения позволяет получить данные о миграции, не улавливаемой текущим учетом, что особенно важно для периода до реформы статистики миграции в 2011 году. Сравнение данных переписи и оценок на основе текущего учета – довольно стандартная процедура, позволяющая выявить неучтенную миграцию на разных уровнях территориального деления, в том числе на региональном. Применительно к отдельным группам населения (например, молодежи), при проведении этой процедуры используется когортно-компонентный метод.

Перепись населения России 2010 года выявила серьезные отклонения численности населения многих российских регионов от данных, зафиксированных текущей статистикой. Как и по итогам переписи 2002 года, эти отклонения были отнесены Росстатом на неучтенную миграцию. Население России оказалось больше оценки на дату переписи почти на 1 млн человек. В наибольшей мере увеличилось население Москвы, Санкт-Петербурга, Московской и Ленинградской областей, Краснодарского и Ставропольского краев, Воронежской и Ростовской областей[23]. Основную роль в этом миграционном приросте играла внутренняя миграция, т.е. многие северные и восточные регионы страны, Приволжье и Урал населения недосчитались. Следовательно, тенденции межрегионального перераспределения населения, которые прослеживаются по данным текущего учета населения, подтверждаются данными переписи: отток населения из восточных районов страны, концентрация населения в крупнейших центрах, прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге. Перепись показала, что переток населения в 2003–2010 годы был на самом деле больше, чем фиксировал текущий учет.

Перепись 2010 г. выявила существенный дополнительный недоучет миграции в студенческих возрастах[24], [25]. Именно в этих возрастах отклонение расчетных данных численности населения от сведений, полученных в результате переписи, наибольшее (рис. 6). Максимальное отклонение отмечено в возрасте 20 лет — 9,4% расчетной численности населения соответствующей возрастной когорты, что связано, помимо прочих причин, с явлением *возрастной аккумуляции*, которая увеличивает численность населения во всех возрастах, оканчивающихся на 0. Тем не менее и в соседних возрастах – 19 лет и 21 год — отклонения были также очень значительными.

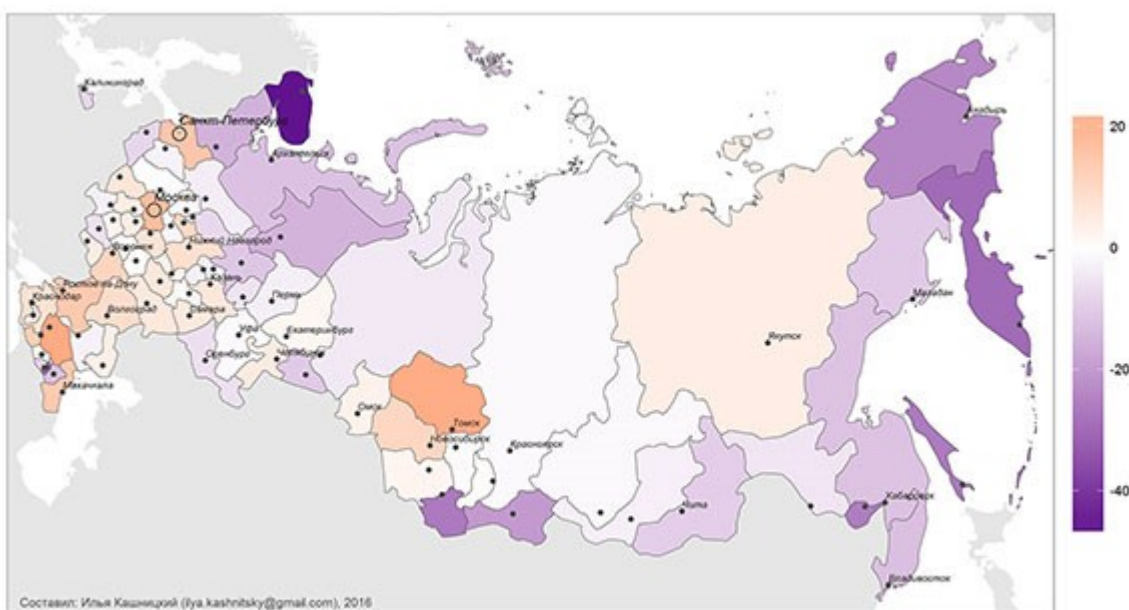

Рисунок 6. Разница между численностью населения России по переписи 2010 года и расчетной численностью, отнесенная к расчетной численности на дату переписи (%)

Источник: расчеты авторов по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. и оценки на ее дату.

Относить эти отклонения только на счет международной миграции было бы неверным. Прежде всего, международные мигранты наиболее активно прибывают в Россию в более старших возрастах. Кроме того, большая их часть переписью не была учтена, о чем свидетельствуют итоговые данные о гражданстве и этническом составе населения. В целом по России отклонение численности населения в возрасте 17–21 год составило 615 тыс. человек, или 5,7% численности когорты. В этом отклонении, видимо, велика роль двойного учета. Он возможен, прежде всего, в результате учета учебных мигрантов в пределах страны по месту их учебы и дома, в родительской семье. Наличие двойного учета существенно снижает ценность этих данных для анализа масштабов учебной миграции, но, тем не менее, позволяет изучать пространственные закономерности явления.

Отклонения в численности когорты 17–21 год по отдельным регионам имеют не только разную величину, но и разный знак (рис. 7). Из 78 регионов России в 37 численность данной когорты отклонилась в положительную сторону, в 41 – в отрицательную, т.е. даже завышенные данные по когорте показывают, что половина регионов России имела дополнительный, не учтенный текущей статистикой миграционный отток молодежи в студенческих возрастах.

Рисунок 7. Отклонение расчетной численности когорты 1989–1993 годов рождения (17–21 год в 2010 году) от фактической за межпереписной период 2003–2010 годов, %

Источник: расчеты авторов по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. и оценки на ее дату.

В отдельных регионах изменение численности молодежи может быть связано не только с миграцией, но и с наличием так называемых спецконтингентов. Наиболее массовый из них — военнослужащие по призыву (они не фиксируются статистикой миграции, но учитываются в ходе переписи в том регионе, в котором проходят службу), которые четко выделяются по возрасту. Если дислокация воинских частей, в которых эти военнослужащие проходят срочную службу, совпадает с регионом их постоянного проживания, то никаких отклонений в численности не произойдет, они возможны лишь в случае прохождения службы в других регионах.

По данным переписи 2010 года мы сопоставили численность мужчин и женщин в возрасте 18–19 лет (возраст большинства служащих по призыву). В целом по России число юношей

соответствующих возрастов больше числа девушек на 3,8%, что обусловлено чисто демографическими причинами – более частым рождением мальчиков. Но в отдельных регионах это соотношение сильно нарушено, число мужчин в этих возрастах превышает число женщин более чем на 15% (табл. 1). За немногими исключениями, это регионы, имеющие устойчивый отток населения, но в Калининградской, Ленинградской и Московской областях такое превышение числа мужчин нельзя объяснить обычной миграцией[26]. Резкое превышение числа мужчин в данных возрастах над числом женщин может объясняться наличием крупных военных (а следовательно, «мужских») вузов, например в Калининградской области.

Таблица 1. Число юношей и девушек в возрасте 18 и 19 лет в отдельных регионах России, 2010 год

	Мужчины (тыс. человек)	Женщины (тыс. человек)	Соотношение чисел мужчин и женщин (%)
Российская Федерация	1911,3	1840,9	103,8
Архангельская область	15,0	13,0	115,2
Республика Коми	11,4	9,8	116,7
Владимирская область	19,0	15,8	119,9
Республика Северная Осетия	12,3	10,2	120,3
Республика Бурятия	16,2	13,2	122,8
Московская область	96,8	74,8	129,4
Забайкальский край	20,4	15,5	131,7
Псковская область	9,8	7,3	133,5
Еврейская автономная область	3,0	2,3	134,7
Ленинградская область	22,9	17,0	135,1
Приморский край	33,9	23,9	141,9
Калининградская область	16,9	11,6	145,6
Сахалинская область	7,1	4,9	146,1
Камчатский край	5,0	3,3	150,1
Хабаровский край	27,0	18,0	150,1
Мурманская область	12,0	7,5	159,6

Источник: Расчеты на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 года.

Получается, что численность молодежи в студенческих возрастах необходимо корректировать на численность военнослужаших по призыву. Для этого мы вычитаем избыточное число юношей в тех регионах, где соотношение мужчин и женщин в возрасте 18–19 лет превышает среднее значение по стране, т.е. вычитается число мужчин в возрастах 18 и 19 лет, превышающее число женщин более чем на 3,8%. Суммарное сокращение численности рассматриваемых когорт в этих регионах составило 156 тыс. человек. Благодаря корректировке данных по указанным в табл. 1 регионам: Владимирская, Московская, Калининградская, Псковская области, Республика Бурятия, Приморский и Хабаровский края из регионов, принимающих молодежь студенческих возрастов, превращаются в отдающие, по остальным регионам отток молодежи существенно корректируется в сторону увеличения. Эти корректировки учтены на рис. 7.

Если данные по регионам, согласно переписи получившим дополнительный миграционный прирост, интерпретировать исходя из гипотезы двойного учета когорт молодежи, окажется, что не все регионы, показавшие миграционный прирост, таковыми являются. Видимо, приток молодежи из других регионов в большинстве случаев оценен адекватно. Но отток в другие регионы, скорее всего, недооценен.

Предыдущие исследования^[27] показывают, что наиболее проблемными регионами с точки зрения проведения переписи и в 2002, и в 2010 г. были республики Северо-Кавказского федерального округа. Например, возникает вопрос относительно возможности дополнительного притока молодежи в Республики Дагестан, Кабардино-Балкарию и Карачаево-Черкессию. Вызывают сомнения и масштабы отклонений в Ставропольском крае – 55,3 тыс. человек, или 23,4%. Конечно, учебные заведения Ставропольского края притягивают молодежь из республик Северного Кавказа, но имеет место и отток местной молодежи в другие регионы страны, в частности в Москву и Санкт-Петербург. Кроме того, в целом по Северо-Кавказскому округу приток молодежи составляет 79 тыс. человек, или 8,5%. Откуда он может взяться? Со знаком миграционного прироста численности молодежи в Ставропольском крае спорить сложно, но масштабы притока порождают сомнения. Вызывает вопросы и дополнительная миграция молодежи и в некоторых других регионах.

Очень существенную миграционную подпитку молодежью студенческих возрастов получали Москва с Московской областью и Санкт-Петербург с Ленинградской областью, суммарно получившие дополнительно 283 тыс. человек в возрасте 17–21 года, увеличивших когорту на 18,3 и 15,8% соответственно. Также это Томская (+23%), Воронежская (+12%), Новосибирская и Ивановская (+11%), Волгоградская области (+10%), Краснодарский край и Нижегородская область (+9%), Рязанская (+8%), Смоленская и Пензенская области (+7%).

Самое значительное сокращение когорты отмечено в регионах Севера и Востока страны, имеющих устойчивую миграционную убыль всего населения: в Чукотском и Камчатском краях, Мурманской и Сахалинской областях, Еврейской АО, республиках Тыва и Алтай убыль превысила 20%. Дополнительным фактором учебной миграции, помимо общего оттока населения, в этих регионах является сравнительно низкий потенциал организаций высшего образования. В целом видна несомненная связь выявленной по данным переписей населения молодежной миграции с данными, полученными на основе текущего учета.

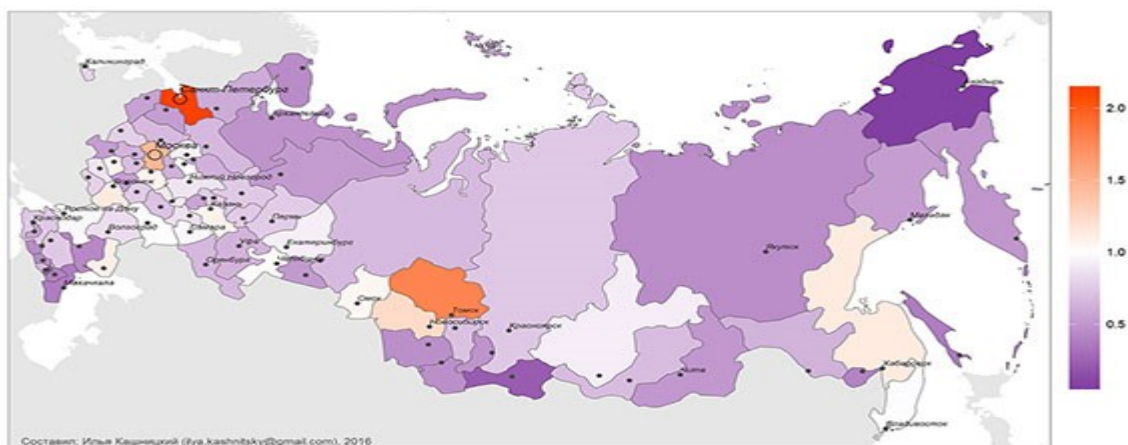
Куда поступают выпускники школ

Выявить масштабы и направления миграции молодежи в разрезе регионов также позволяет сопоставление численности поступивших в вузы (государственные и негосударственные) на очную форму обучения по программам бакалавриата и специалитета и численности выпускников школ, получивших аттестат о среднем (полном) общем образовании. Для этого используются данные Федеральной службы государственной статистики за 2012/2013 и 2013/2014 учебные годы. Логика довольно проста: если число новых студентов в регионе значительно меньше числа выпускников школ, которые ориентированы на продолжение обучения в вузах, мы вправе предположить, что весь «излишек» абитуриентов отправился покорять вузы за пределами родного региона. И наоборот, если студентов-первокурсников значительно больше, чем местных выпускников школ, «излишек» студентов первого года обучения, очевидно, сформирован абитуриентами из других регионов.

Для корректного сравнения произведены некоторые предварительные расчеты. Во-первых, не все выпускники школ поступают в вузы, хотя этот процент и очень высок. Часть выпускников школ после получения диплома о среднем общем образовании продолжают обучение в учреждениях среднего профессионального образования, отправляются в армию, выходят на рынок труда и т.д. Именно поэтому в нашем анализе используется только доля выпускников школ, продолжающих обучение на программах высшего образования в том же отчетном году, которая в 2013/2014 учебном году составляла, по нашим расчетам, 78%. Очень близкие результаты приведены в статье Т.Л.

Клячко[28]. Поэтому данные о численности выпускников общеобразовательных организаций, получивших аттестат о среднем общем образовании, были скорректированы на указанный показатель. Во-вторых, не все абитуриенты вузов — «вчерашние» школьники. Среди поступающих на программы бакалавриата и специалитета есть люди, окончившие школу не в этом же году: поступающие не первый раз, вернувшиеся из армии, выпускники отчетного года организаций СПО, пришедшие с рынка труда[29]. В 2013 году среди студентов, зачисленных на очную форму обучения по программам бакалавриата и специалитета, окончившие школу в том же отчетном году составили 87%. Для сопоставления выбрана именно очная форма обучения: эти образовательные программы предполагают, что студент постоянно находится вблизи вуза, в то время как учет заочных программ может сместить оценку миграции. Учитывая эти поправки, мы получили численность поступивших в вузы на программы бакалавриата или специалитета, которые окончили школу в том же году. Сопоставив суммарное число зачисленных на первый курс обучения с суммарной численностью выпускников школ, планирующих продолжать обучение в организациях высшего образования, мы получаем значения, характеризующие перераспределение потоков абитуриентов между регионами. Для каждого региона положительное отклонение соотношения от единицы отражает его миграционную привлекательность для молодежи, отрицательное — свидетельствует об оттоке молодежи, связанном с поступлением в вузы в других регионах страны.

В среднем по стране соотношение составляет 0,74 — значит, в России значительно больше «отточных» регионов оттока, чем регионов с крупными образовательными центрами. Из 78 регионов миграционно привлекательными по данному показателю в 2012–2014 гг. оказались лишь 14. Это прежде всего Санкт-Петербург с Ленинградской областью, Москва с Московской областью, Томская, Новосибирская и Воронежская области, Хабаровский край — регионы, в которых сосредоточены крупнейшие университеты (рис. 8). Если соотношение числа первокурсников с суммарной численностью выпускников школ существенно больше единицы, есть основания предполагать, что регион получил приток абитуриентов из других областей страны. В большинстве регионов имел место отток молодежи разной интенсивности. Во многих из них местные вузы приняли менее половины выпускников школ, а в Чукотском АО — менее десятой части. По соотношению численности первокурсников и выпускников школ видно, что вузы республик Северного Кавказа получают существенно меньше студентов, чем численность выпускников школ в этих регионах. Похожая картина — во многих регионах Севера и Востока страны.

Рисунок 8. Отношение числа поступивших в вузы на очную форму обучения по программам бакалавриата и специалитета к числу выпускников с аттестатом о среднем общем образовании, 2012-2014 годы

Источник: Росстат

Сравнение результатов сопоставления численности первокурсников и выпускников с данными о миграции молодежи студенческих возрастов, полученными на основе текущего учета и переписей населения, показывает, что при всех способах выявления наиболее привлекательных для учебных мигрантов регионов их список остается одним и тем же.

Результаты учебной миграции: итоговый рейтинг регионов

Проведенный анализ показал, что использование разных источников данных в большинстве случаев дает схожую общую картину молодежной миграции в России. Полученные группировки регионов России на основе отдельных показателей, их ранговые места по привлекательности/непривлекательности для молодежи практически совпадают, о чем свидетельствуют и довольно высокие значения коэффициента корреляции между показателями (табл. 2).

Таблица 2. Коэффициенты корреляции Пирсона между рассчитанными показателями

Показатель	№	(1)	(2)	(3)	(4)
Изменение численности когорты 1989–1993 годов рождения за межпереписной период 2003–2010 годы, %	(1)	1	0,53	0,62	0,63
Текущий учет миграции, ИКМПК 1981–1993 годов рождения, 2003-2010 годы	(2)	0,53	1	0,88	0,72
Текущий учет миграции, ИКМПК 1989–1996 годов рождения, 2011–2013 годы	(3)	0,62	0,88	1	0,8
Отношение числа поступивших на очную форму обучения по программам бакалавриата и специалитетак числу выпускников школ региона, получивших аттестат о среднем общем образовании в регионе, 2012/2014 учебный год	(4)	0,63	0,72	0,8	1

Сходные результаты, полученные при анализе молодежной миграции по данным из разных источников, свидетельствуют о том, что на основе рассчитанных нами четырех показателей можно создать синтетический сводный показатель, который с наибольшей достоверностью позволит ранжировать регионы России по их миграционной привлекательности для молодежи.

Поскольку эти четыре показателя сильно различаются по методике расчета и итоговым единицам измерения, для получения сводного показателя мы шкалировали их с помощью процедуры z-стандартизации. Она состоит в том, что из каждого значения стандартизуемого показателя вычитается среднее значение всей выборки, а затем полученная разность делится на стандартное отклонение выборки. Вместо исходных единиц измерения показателя мы получаем универсальную шкалу, где единицей измерения служит стандартное отклонение, и стандартизованные показатели можно сравнивать между собой. Мы стандартизировали все четыре показателя интенсивности студенческой миграции, а затем усреднили данные для каждого региона. Таким образом, итоговый показатель для отдельно взятого региона фиксирует, на сколько стандартных отклонений значение региона отличается от среднего значения по России, в среднем, по четырем показателям. Результаты представлены на рис. 9 и 10. Нулевые значения соответствуют среднему значению по регионам России, а не границе между притоком и оттоком молодежи.

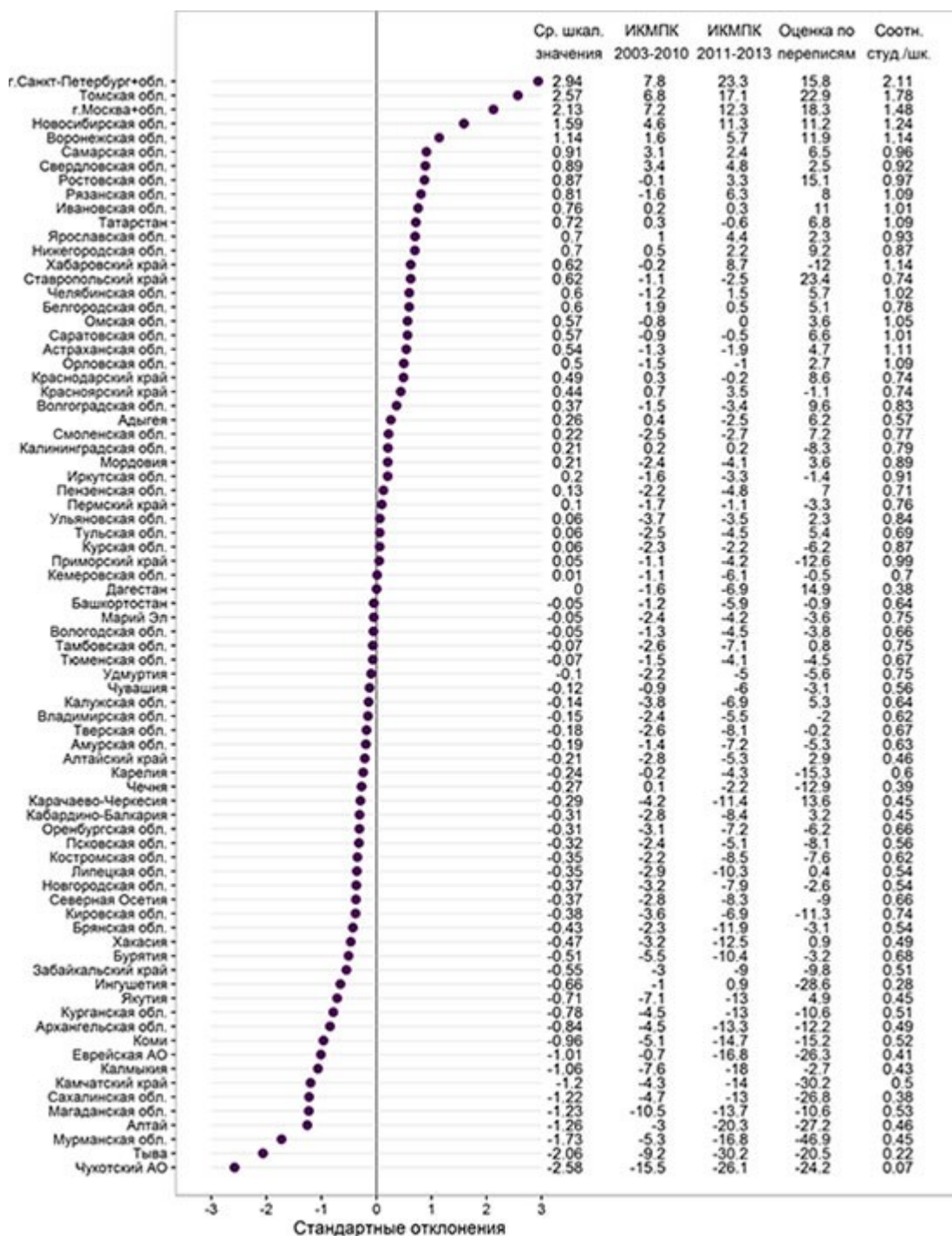
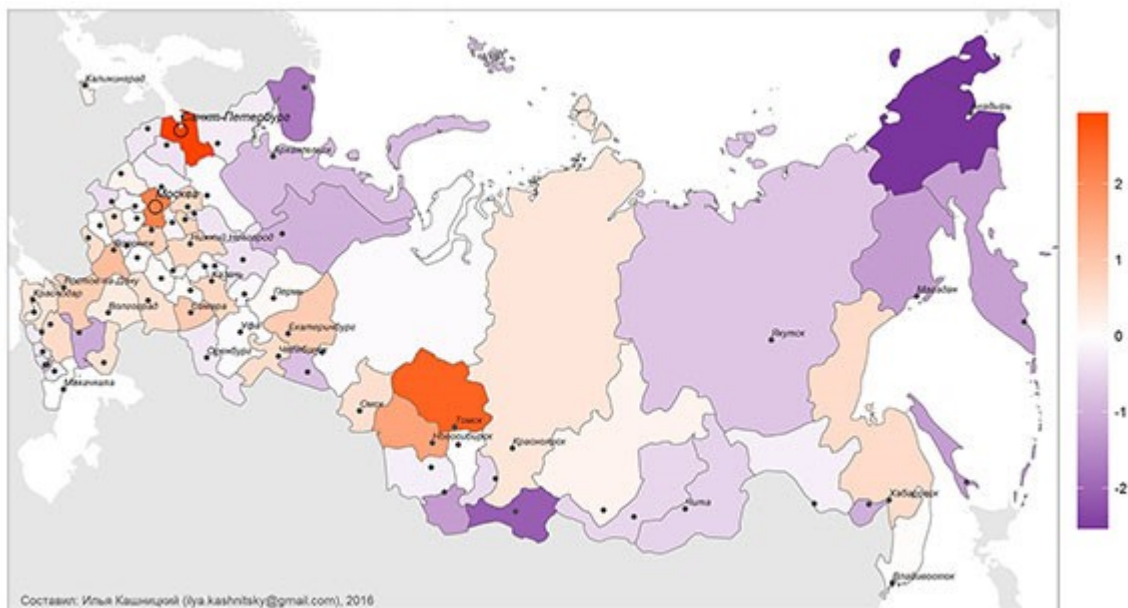

Рисунок 9. Ранжированный ряд регионов России в зависимости от результатов учебной миграции в 2003–2014 годах (большее значение соответствует притоку молодежи или учебных мигрантов, меньшее – оттоку)

Рисунок 10. Итоговый рейтинг регионов в зависимости от результатов учебной миграции в 2003–2014 годах

Источник: рисунок 9.

Безусловные лидеры этого рейтинга – Москва и Санкт-Петербург (с областями), Новосибирская, Томская и Воронежская области. Лидерство этих регионов обусловлено историей советской системы высшего образования (для столиц — еще и их административным статусом): там был создан мощный образовательный потенциал для удовлетворения запросов плановой экономики [30]. За ними следуют регионы, также близкие к лидерству. Многие из них возглавляют города с более чем миллионным населением: Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Самара, Нижний Новгород, Казань, Омск. Но среди этой группы «почти лидеров» есть и «рядовые» области – Ярославская, Рязанская, Ивановская, не выделяющиеся среди соседей ни административными преимуществами, ни значительной численностью населения региональной столицы.

Сравнительно высокие позиции в рейтинге занимают многие регионы центра и юга европейской части страны, это – определенный бонус их географического положения. Однако в группу привлекающих учебных мигрантов регионов входят также Красноярский и Хабаровский края, в полной мере испытывающие на себе негативное воздействие «западного дрейфа»: им привлечь дополнительных учебных мигрантов гораздо сложнее. Как показывают данные статистики, пошедший было на убыль отток населения с Востока на Запад страны в последние годы, после изменения методики учета миграции, вновь показал рост [31]. Но в целом, восточным регионам страны пока не приходится рассчитывать на рост учебной миграции, их вузам будет очень непросто привлечь дополнительных абитуриентов. В верхней части рейтинга этих регионов будет немного.

В нижней части рейтинга расположились не только восточные регионы, здесь практически все республики Северного Кавказа, в которых невысокий уровень развития систем высшего образования усугубляется традиционным оттоком населения, связанным с нехваткой рабочих мест, относительной экономической отсталостью и внутривнутриполитической нестабильностью. Отток молодежи идет и из немалого числа регионов европейской части страны: Брянской, Оренбургской, Липецкой, Костромской, Псковской, Новгородской, Владимирской, Калужской, Тверской областей, республик Карелия и Удмуртия. Эти регионы явно проигрывают соседям. Но, как показывает пример

Воронежской, Ярославской, Рязанской, Орловской и некоторых других областей, успех в этой конкуренции не predetermined.

Как уже отмечалось выше, существенно влияет на притягательность региона для учебных мигрантов численность населения регионального центра: у регионов, возглавляемых городами с населением более миллиона, больше шансов занять в рейтинге высокое положение. При этом Пермский край и Волгоградская область находятся в середине рейтинга, а Башкортостан – в нижней его части. Эти регионы явно проигрывают более успешным соседям и не выдерживают конкуренции за молодежь с Москвой и Санкт-Петербургом, им не помогает ни географическое положение, ни крупные столицы.

Заключение

В результате анализа миграции молодежи студенческих возрастов на основании данных, полученных из разных источников (переписи населения, текущий учет миграции, сведения о числе поступивших на очную форму обучения в вузы региона и выпускников школ) и за разные временные периоды, можно оценить миграционную привлекательность регионов и региональных систем высшего образования для молодежи. Мы получили своеобразный рейтинг регионов, который фиксирует итоги многолетнего развития их образовательных систем и отражает совокупность индивидуальных решений молодых людей (и, возможно, их родителей) относительно предпочтительных мест получения высшего образования.

Несмотря на все отмеченные в статье недостатки каждого отдельного показателя, характеризующего молодежную миграцию, полученные результаты соответствуют ожиданиям, сформированным на основании обзора зарубежной литературы. Вполне закономерно^[32] среди регионов — лидеров по привлечению студенческой молодежи преобладают крупнейшие экономические центры, в которых, разумеется, расположены и ведущие университеты: Санкт-Петербург, Москва, Самара, Екатеринбург, Ростов-на-Дону. Миграция в эти центры дает возможность решить сразу две задачи: получить образование и в дальнейшем найти работу в этом же регионе, т.е. позволяет снижать издержки, связанные с миграцией (как экономические, так и социальные). Наличие в топе рейтинга таких преимущественно университетских центров, как Томск и Воронеж, подтверждает высокую значимость качества университетов при формировании миграционных потоков молодежи^[33].

Все использованные в данной статье показатели адекватно оценивают основные направления миграции молодежи. Опыт их комплексной оценки, на наш взгляд, позволяет нивелировать случайные значения отдельных показателей, обусловленные как методикой их расчета, так и особенностями временного периода, за который они получены. Направления миграции, как и развитие образовательных систем, достаточно инерционны, это подтвердили проведенные в данной статье расчеты.

Выбор, который делают молодые люди, решая, куда поехать учиться, зависит не только от мощности вузовских центров, но и от общей направленности миграционных потоков в стране, от социально-экономической ситуации в регионах. Получение высшего образования – для многих благоприятная возможность совершить этот переезд с меньшими издержками, получить первый важный опыт миграции в самом молодом возрасте. Поэтому возможности отдельных регионов и центров притяжения молодежи неравны: вузы Москвы и Санкт-Петербурга имеют очень значительный «бонус» за счет общей миграционной привлекательности крупнейших городов для жителей всей страны. Пристального внимания заслуживает прирост миграции молодежи в отдельные регионы азиатской части страны: здесь мы имеем дело с важными центрами притяжения «второго порядка», успешно противостоящими господствующим в стране направлениям миграции.

Проведенный анализ направлений молодежной миграции может служить ориентиром при перспективном планировании развития региональных и федеральной образовательных систем. Возможность привлечь учебных мигрантов из других регионов – важное конкурентное преимущество вузов и мощный фактор социально-экономического развития регионов.

- [1] Текст подготовлен на основе статьи: Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. Т. 13. № 3. С. 169-203. DOI: 10.18323/1814-9545-2016-3-169-203 <https://vo.hse.ru/en/2016--3/191146729.html>
- [2] Кашницкий Илья Савельевич - младший научный сотрудник Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», PhD кандидат Университета Гронингена и Нидерландского междисциплинарного демографического института
- [3] Мкртчян Никита Владимирович — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Центра демографических исследований Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
- [4] Лешуков Олег Валерьевич — младший научный сотрудник Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
- [5] Smith D.P., Rerat P., Sage J. (2014) Youth Migration and Spaces of Education // Children's Geographies. Vol. 12. No 1. P. 1–8.
- [6] Findlay A.M. (2011). An Assessment of Supply and Demand-Side Theorizations of International Student Mobility // International Migration. Vol. 49. No2. P. 162–190.
- [7] Plane D.A., Heins F. (2003) Age Articulation of U.S. Inter-Metropolitan Migration Flows // The Annals of Regional Science. Vol. 37. No 1. P. 107–130.
- [8] Pittenger D.B. (1974) A Typology of Age-Specific Net Migration Rate Distributions // Journal of the American Institute of Planners. Vol. 40. No 4. P. 278–283; Castro L.J., Rogers A. (1983) What the Age Composition of Migrants Can Tell Us // Popul Bull UN.No 15. P. 63–79.
- [9] Конкретные возрастные границы варьируют от исследования к исследованию в зависимости от национальных и региональных особенностей образовательных систем и специфики сбора статистических данных. Как правило, они лежат в пределах от 15 до 24 лет.
- [10] Smith D.P., Sage J. (2014) The Regional Migration of Young Adults in England and Wales (2002–2008): A “Conveyor-Belt” of Population Redistribution? // Children's Geographies. Vol. 12. No 1. P. 102–117.
- [11] Chudnovskaya M., Kolk M. (2015) Educational Expansion and Intergenerational Proximity in Sweden // Population, Space and Place. DOI: 10.1002/psp.1973.
- [12] Катровский А.П. Учебная миграция в вузы России: факторы и мотивация / Ж.А. Зайончковская (ред.) Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. М.: Совет по миграциям стран СНГ, Центр демографии и экологии человека, 1999. С. 269–276; Флоринская Ю.Г., Рощина Т.Г. Миграционные намерения выпускников школ малых городов // Мониторинг общественного мнения. 2005. Т. 74. № 2. С. 77–87.
- [13] Чудиновских О.С., Денисенко М.Б. Где хотят жить выпускники российских вузов // Демоскоп Weekly. 2003. № 19–20. <http://demoscope.ru/weekly/2003/0119/tema01.php>

- [14] Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2014. № 3. С. 36–58
- [15] Замятина Н. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной интернет-сети «ВКонтакте») // Региональные исследования. 2012. № 2. С. 15–28.
- [16] Клячко Т.Л. Высшее образование: больше, лучше или дешевле? // Демоскоп Weekly. 2016. № 669–670 <http://demoscope.ru/weekly/2016/0669/demoscope669.pdf>
- [17] Чудиновских О.С. О критическом состоянии учета миграции в России // Вопросы статистики. 2004. № 10. С. 27–36.
- [18] Чудиновских О.С. Статистика миграции знает не все // Демоскоп Weekly. 2008. № 335–336 <http://demoscope.ru/weekly/2008/0335/tema01.php>; Чудиновских О.С. Современное состояние статистики миграции в России: новые возможности и нерешенные проблемы // Вопросы статистики. 2010. № 6. С. 8–16
- [19] Подробнее о расхождениях между данными текущего миграционного учета и переписей населения в последний межпереписной период – в наших предыдущих работах: Kashnitsky I.S. (2015) Youth Migration Drives the Depopulation of Periphery / XV April International Academic Conference on Economic and Social Development. Moscow: Higher School of Economics. Vol. 3. P. 103–113; Kashnitsky I.S., Mkrtychyan N.V. (2014) Russian Periphery is Dying in Movement: A Cohort Assessment of Russian Internal Youth Migration Based on Census Data. NIDI Working Papers No 2014/14.
- [20] Мы считаем необходимым при анализе объединить столичные города с их областями: Московскую и Ленинградскую области не имеет смысла рассматривать в качестве самостоятельных «игроков» на миграционном рынке. Кроме того, данные текущего учета миграции не позволяют анализировать Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа отдельно от Тюменской области, а Ненецкий автономный округ – от Архангельской области. Таким образом, число регионов для анализа снижается до 78.
- [21] Под временным квадратом мы подразумеваем сочетание интересующих нас возрастов и календарного периода.
- [22] Усреднение коэффициентов возможно и по периодам, и по когортам.
- [23] Мкртчян Н.В. Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 5. С. 28–41.
- [24] В соответствии с принятой Росстатом и в целом поддержанной экспертным сообществом методикой, отклонения данных переписи интерпретируются как неучтенная миграция. Основания тому – серьезные проблемы текущего учета миграции в межпереписной период при сравнительно точном учете рождаемости и смертности. Проблемы данного подхода – недоучет неточностей и ошибок двух переписей, результаты которых положены в основу расчетов. В данной работе использованы данные, предоставленные Е.М. Андреевым (РЭШ), в расчетах использованы данные переписей населения 2002 и 2010 гг. (с помощью когортно-компонентного метода) и данных текущего учета населения за межпереписной период.
- [25] Андреев Е.М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 21–35.

- [26] Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: динамика населения в 2000-е годы // Балтийский регион. 2014. № 2 (20). С. 62–80. <http://demoscope.ru/weekly/2016/0699/analit01.php>
- [27] Мкртчян Н.В. Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 5. С. 28–41.
- [28] Клячко Т.Л. Высшее образование: больше, лучше или дешевле? // Демоскоп Weekly. 2016. № 669–670 <http://demoscope.ru/weekly/2016/0669/demoscope669.pdf>
- [29] Шугаль Н.Б. Методика оценки потоков обучающихся в российской системе образования. Препринт WP10/2010/04 ГУ ВШЭ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.
- [30] Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фруммин И.Д. Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 8–63.
- [31] Население России 2013. Двадцать первый ежегодный демографический доклад. / Отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2015.
- [32] Baryla Jr E.A., Dotterweich D. (2001) Student Migration: Do Significant Factors Vary by Region? // Education Economics. Vol. 9. No 3. P. 269–280; McHugh R., Morgan J.N. (1984) The Determinants of Interstate Student Migration: A Place-to-Place Analysis // Economics of Education Review. Vol. 3. No 4. P. 269–278.
- [33] Abbott W.F., Schmid C.F. (1975) University Prestige and First-Time Undergraduate Migration in the United States // Sociology of Education. Vol. 48. No 2. P. 168–185; Agasisti T., Dal Bianco A. (2007) Determinants of College Student Migration in Italy: Empirical Evidence from a Gravity Approach. SSRN Scholarly Paper ID 1063481. Rochester, NY: Social Science Research Network; Ciriaci D. (2014) Does University Quality Influence the Interregional Mobility of Students and Graduates? The Case of Italy // Regional Studies. Vol. 48. No 10. P. 1592–1608.